

Архив Александра Н. Яковлева

АЛЬМАНАХ «РОССИЯ. XX ВЕК»

Интернет-магазин Корзина

- [Альманах](#)
- [Биографический словарь](#)
- [Словарь сокращений](#)
- [Главная](#)
- [Личный архив А. Н. Яковлева](#)
- [Альманах](#)
- [Фонд А. Н. Яковлева](#)
- [База данных документов](#)

- [Вступительная статья](#)
- [Документы](#)
- [Именной комментарий](#)
- [Список сокращений](#)

ГОЛОД 1932–1933 гг. — ТРАГЕДИЯ НАРОДОВ СССР

С 2007 г. Федеральным архивным агентством Российской Федерации осуществляется международный научный проект «Голод в СССР. 1929–1934 гг.». Его главная цель — поиск и публикация новых документов из федеральных и региональных архивов России, раскрывающих подлинные причины и масштабы этой трагедии¹. Авторы настоящей публикации принимают участие в работе над проектом и предлагают вниманию читателей ряд наиболее важных документов по этой теме, выявленных российскими архивистами и исследователями.

Прежде всего, новые документы убедительно свидетельствуют, что в 1932–1933 гг. голод охватил основные житницы страны и сопровождался всеми его ужасами (Док. № 32, 39–42, 44–46). С разной степенью остроты голодало тогда все население СССР, в т.ч. жители городов (Док. № 34, 47).

Подавляющее большинство жертв голода оказалось сосредоточено в основных зерновых районах СССР, ставших зонами сплошной коллективизации. Именно здесь традиционно выращивались пшеница и рожь на экспорт. Причем львиная доля советского зерна, отправленного на экспорт в 1930 г. (70 %), пришлась на два региона СССР — УССР и Северо-Кавказский край, а остальная — на Нижнюю Волгу и ЦЧО². Аналогичная ситуация повторилась и в 1931 г. Постановлением СТО СССР от 17 августа 1931 г. задания по зерновому экспорту были распределены следующим образом: Украина — 1350 тыс. тонн, Северный Кавказ — 1100 тыс. тонн, Нижняя Волга — 830 тыс. тонн, Средняя Волга — 300 тыс. тонн (Док. № 1).

Таким образом именно экономическая специализация районов повлияла на масштабы трагедии в конкретных регионах СССР: более всего пострадали зерновые районы, основные житницы страны.

Как показывает анализ документов проекта, голод 1932–1933 гг. явился прямым результатом сталинской аграрной политики, связанной с начавшейся в стране индустриализацией. Ее сутью стало насильственное насаждение колхозов в зерновых районах СССР с целью резкого повышения производства хлеба для его экспорта

за границу и нужд растущего городского населения. Сталинское руководство не хотело голода. Но оно создало его своей политикой в области планирования обязательных госпоставок сельскохозяйственной продукции колхозами, совхозами и единоличными хозяйствами, а также конкретными действиями по их выполнению.

Планирование хлебозаготовок оказалось несовершенным, как и вся сталинская бюрократическая система управления сельским хозяйством страны в условиях коллективизации. Органы планирования (Наркомснаб и Наркомзем) устанавливали планы хлебозаготовок явно завышенные, ориентированные на лучшие колхозы и совхозы, каковых в реальности было меньшинство. А местные органы их рьяно выполняли, не считаясь при этом с интересами крестьян, разным хозяйственным положением колхозов и совхозов (Док. № 13).

Сложившаяся система планирования хлебозаготовок в первые годы коллективизации в полной мере отвечала замыслам ее организаторов, поскольку была нацелена на изъятие из колхозов как можно большего количества зерна. Об этом прямо указано, например, в докладной записке [А.И. Микояна И.В. Сталину](#), написанной в мае 1932 г. и имеющей характерное название «О норме сдачи хлеба колхозами и МТС». В ней сообщалось, что фактические нормы сдачи зерна колхозами из урожаев 1930–1931 гг. «были значительно выше» установленного уровня и достигали в среднем по основным зерновым районам в 1930 г. — 31,5 %, в 1931 г. — 37 %. Не выразив в связи с этим сожаления, он предложил Сталину при заключении контрактационных договоров не только сохранить эти показатели, но и повысить их до уровня 40 % от валового сбора (Док. № 6).

Особенно негативно система планирования хлебозаготовок отразилась на единоличном секторе аграрной экономики. Чтобы вынудить единоличников вступать в колхозы, планы им устанавливались явно завышенные. Они естественно не выполнялись, единоличники всячески противодействовали им (Док. № 20). Недовыполненный план хлебосдачи единоличников перекладывался на колхозный сектор, серьезно ухудшая его и без того тяжелое положение.

Издержки планирования хлебозаготовок и управления сельским хозяйством с лихвой компенсировались административным ресурсом, т.е. выполнение хлебозаготовок достигалось с помощью административно-репрессивных мер. Ставка на государственное насилие над крестьянством стала главным методом решения проблем создания колхозов, изъятия из деревни продовольственных ресурсов для нужд индустриализации и т.д.

Планы хлебозаготовок и других поставок сельскохозяйственной продукции колхозами, совхозами и единоличными хозяйствами устанавливались при непосредственном участии Сталина, [Молотова](#), [Кагановича](#) с ориентацией на максимально возможный уровень. Из Центра шли грозные директивы о необходимости выполнения плана любой ценой, и все попытки местных властей добиться его уменьшения решительно пресекались (Док. № 9, 10, 11, 12).

И.В. Сталин проявлял твердость в обеспечении выполнения планов хлебосдачи местными органами. Так, во второй половине ноября 1931 г. на места были отправлены директивы, в которых Сталин и Молотов предлагали партийному руководству «немедленно организовать перелом в хлебозаготовках». В противном случае ЦК и СНК, «чтобы двинуть вперед хлебозаготовки», должны были поставить вопрос «о смене руководства» со всеми вытекающими последствиями» (Док. № 2).

Массовые репрессии «на почве борьбы с саботажем хлебозаготовок» осенью 1932 г. разворачивались в зерновых районах СССР под пристальным контролем И.В. Сталина, который поощрял их и стимулировал (Док. № 18, 19, 22, 23).

Следует особо подчеркнуть, что и местные власти сыграли весьма негативную роль в деле голода, ответственность за который они несут вместе с центральным руководством (Док. № 48). В первую очередь речь идет об областном и республиканском партийном руководстве, которое было главным рычагом исполнения директив Центра. Многие местные руководители не только безоговорочно выполняли распоряжения И.В. Сталина и ЦК ВКП(б), но и сами инициировали репрессии против крестьян, замалчивали перед Центром реальные масштабы наступившего голода, скрывали собственные просчеты и ошибки «победными реляциями». Все эти явления проистекали из характера утвердившейся в СССР сталинской бюрократической модели, когда для чиновника любого ранга главным было беспрекословное, любой ценой выполнение распоряжений руководства. При этом Центром поощрялась инициатива местных властей, способствовавшая решению поставленной им задачи (Док. № 24, 25, 29, 31).

Можно уверенно говорить об ответственности секретаря ЦК КП(б)У [С.В. Косиора](#) за масштабы трагедии на Украине. Прежде всего, согласно документам, с Украины в Центр поступала противоречивая информация о ситуации в сельском хозяйстве республики. Например, 16 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) в ответ на телеграмму Косиора Сталину о положении в УССР с семенами, указало, что «положение с семенами на Украине во много раз хуже того, чем это следует из телеграммы т. Косиора, поэтому Политбюро предлагает ЦК КП(б)У принять все зависящие от него меры к тому, чтобы была предотвращена угроза срыва сева на Украине»³. 26 апреля 1932 г. Косиор в письме Сталину заявил: «У нас есть отдельные случаи и даже отдельные села голодающие, однако это только результат местного головоугодия, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о “голоде” на Украине нужно категорически отбросить. Та серьезная помощь, которая Украине была оказана, дает нам возможность все такие очаги ликвидировать» (Док. № 4). Характерна реакция Сталина на эту позицию Косиора: «Тов. Косиор!.. Если судить по материалам, похоже на то, что в некоторых пунктах УССР советская власть перестала существовать. Неужели это верно? Неужели так плохо дело с деревней на Украине? Где органы ГПУ, что они делают? Может быть, проверили бы это дело и сообщили бы в ЦК ВКП о принятых мерах» (Док. № 5).

О виновности руководства Украины за возникший кризис сельского хозяйства недвусмысленно сообщал побывавший в июне 1932 г.

в Винницкой области УССР [С.М. Буденный](#). Ознакомившись с ситуацией, на встречах с колхозниками он открыто обвинил в организации голода местные власти, в первую очередь, республиканских руководителей, которые с помощью встречных планов оставили деревню без хлеба и семян. Именно они «в течение двух лет обманывали ЦК ВКП(б) и правительство о высокой урожайности», доводили до районов «нереальные планы». В результате колхозники и единоличники были «оставлены голодными» (Док. № 8). Критика Буденного вызвала резкие возражения Косиора, который в письме Кагановичу от 30 июня 1932 г. написал: «Если Буденный и другие "благодетели" будут натравливать на нас колхозников и местные организации Украины, тогда не приходится говорить о выполнении плана этого года» (Док. № 8).

Позицию С.В. Косиора в период голода на Украине отражают две записки, адресованные И.В. Сталину, посланные с разницей в три дня. Первая — недавно назначенного секретарем Днепропетровского обкома КП(б)У [М.М. Хатаевича](#) от 12 марта 1933 г., вторая — секретаря Компартии Украины С.В. Косиора от 15 марта 1933 г. М.М. Хатаевич докладывал, что он «буквально завален ежедневными сообщениями и материалами о случаях голодных смертей, опуханий и заболеваний от голода», что к нему «все чаще поступают сообщения о трупоедстве и людоедстве», просил Сталина о дополнительной продовольственной помощи (Док. № 32).

В записке «О тяжелом продовольственном положении Украины» Косиор подтвердил информацию Хатаевича о голоде в республике (Док. № 33). Однако отметил, что имеющиеся в его распоряжении сведения с мест, как от обкомов, так и по линии ОГПУ «о размерах голодовок крайне противоречивы» и «достаточно серьезной и трезвой оценки положения без замалчивания и замазывания, как равно и без преувеличения и паники в областях, как правило, еще нет». При этом Косиор «поддел» Хатаевича, указав, что «Днепропетровск слишком уж афиширует и выпячивает свое тяжелое положение». Причиной голода на Украине он называл «плохое хозяйничанье и недопустимое отношение к общественному добру (потери, воровство и расхищение хлеба)». Косиор осудил действия и областных партийных руководителей, которые вместо «серьезной работы» по мобилизации внутренних ресурсов стремятся «получить помощь из Центра». В итоге Косиор попросил Сталина дать немедленно 300 тыс. тонн зерна для одной Киевской области. Остальные регионы, по его оценке, будут в ней нуждаться лишь к началу посевной (Док. № 33).

В другой записке вождю от 26 апреля 1933 г. Косиор сообщил о ходе вручения колхозам и единоличникам обязательств по сдаче хлеба «согласно нового закона». Ее содержание показалось Сталину настолько важным, что он написал: «...Заготовить 50 экземпляров для раздачи членам совещания 12 мая». Главной причиной всех трудностей Косиор считал «по существу дела вредительскую» деятельность украинского Наркомзема по учету размеров посевных площадей в колхозах. Эти размеры были преувеличены, ввиду «перспектив коллективизации», в результате чего планы хлебозаготовок превысили реальные площади пашни. Переложив ответственность за все проблемы сельского хозяйства Украины на республиканский Наркомзем, Косиор следующим образом описал настроения украинских крестьян, массово погибавших от голода:

«Идет в колхозы много тех единоличников, которые за последнюю пару лет совсем перестали вести хозяйство, ликвидировали скот в расчете на то, что как-нибудь проживут. Теперь прямо говорят: “Треба працювати”... несомненно большой поворот в настроениях колхозной массы в сторону желания лучше работать»⁴.

Важнейший вопрос темы — это количество жертв голода в СССР, в т.ч. в конкретных регионах. Если сравнить в процентном отношении сокращение сельского населения на Украине и в зерновых районах России между переписями 1926 и 1937 гг., а также по данным ЦУНХУ СССР, то выявится примерно одна и та же картина (Док. № 49). Это позволяет заключить, что острота голода в зерновых районах СССР была одинаковой.

Действия сталинского режима по выходу из голодного кризиса свелись к выделению основным зерновым районам СССР, оказавшимся в зоне голода, значительных продовольственных и семенных ссуд (Док. № 26, 30, 35, 43).

Голод 1932–1933 гг. — это трагедия всей советской деревни. И эта трагедия должна не разъединять, а объединять народы бывшего СССР.

В настоящей публикации предпринята попытка показать ее на основе документов, выявленных в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ), Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) в рамках проекта Федерального архивного агентства «Голод в СССР. 1929–1934 гг.».

Всего представлено 49 документов. Большинство из них — подлинники. Все документы недавно рассекречены. Текст передан в соответствии с общепринятыми правилами публикации документов советского периода.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии В.В. Кондрашина и Е.А. Тюриной

© 2001-2016 АРХИВ АЛЕКСАНДРА Н. ЯКОВЛЕВА [Правовая информация](#)